

12 СЕН 1982

Среди примет современной культурной жизни меня особенно радует возрастающий интерес читателей к литературоведению. Я имею в виду текущую критику, волнующую актуальностью проблематики, прямым вторжением в болевые точки сиюминутного бытия. Там причины магнетизма очевидны, тем более, что многие представители нашей профессии научились писать публицистически раскованно, блистая ассоциативным мышлением, метафорически эмоциональной стилистикой. Иное дело — литературоведение, наука строгая, склонная к академической точности и сдержанности, обычно чуждая приманкам занимательности, но зато требующая глубины мысли, масштабности обобщений, их логичности и доказательности. А возможно, как раз в этом — в последовательности и силе интеллектуального напряжения — и кроется феномен интересного. Видимо, не случаен и тот факт, что возросла в литературоведении тяга к жанру монографии. Когда у книги есть центральный герой, она становится цельнее и целеустремленнее, выигрывает в единстве конкретных анализов и конечных выводов. Есть центральный герой и у В. Новикова в его исследовании «Движение истории — движение литературы». Только герой этот не совсем обычен — речь идет о ленинском принципе партийности. Ученый рассматривает его возникновение и развитие, а главное — его определяющую и оплодотворяющую роль в современной советской литературе.

Впрочем, и обращаясь к истории, В. Новиков убедительно выявляет в знаменитой ленинской статье самые актуальные ее стороны. Пролетарская партийность предстает как наиболее надежный путь к истине и объективности, как подлинная гарантия свободы творчества и, наконец, как эстетическая категория, а следовательно, внутреннее свойство искусства: «Пафос борьбы за возвышенные идеалы», выражающий самую суть коммунистической партийности, выражает и целеустремленность

социалистического реализма. Четко и основательно рассмотрев эти основополагающие суждения, В. Новиков затем обращается к деятельности А. Луначарского и М. Горького, успешно развивающих ленинское учение о партийности как основу созидания новой гуманистической художественной культуры. В результате выстраивается теория социалистического реализма, взятая в единстве с художественной практикой, а следовательно, в ее становлении, в ее связях с движением истории, как это запрограммировано в названии книги. У В. Новикова

всего опирается на «многообразие форм типизации» и масштабность образного сгущения действительности.

Отвергая натуралистическое копирование жизни или наоборот ее экзистенциалистское конструирование, В. Новиков однажды разрушает академическую тональность своей книги ради резкого и решительного вывода: «Я вообще считаю, что модернистские течения ничего нового в художественном освоении мира не открыли и не способны были открыть». В самом деле, какие художественные открытия могут быть сдела-

нных, становящихся наиболее значительным открытием искусства. Дialeктика художественного типа сказывается в слиянии существенного и неповторимо индивидуального, в способности типа уходить за пределы своего исторического периода, продолжать свою жизнь в иных временах, выражать новые, подчас общечеловеческие, проблемы и заботы.

На протяжении всей своей книги В. Новиков верен собственной мысли относительно того, что «содружество эстетической мысли с реальной жизнью искусства стало

кое понимание пути Айтматова позволило критику как бы прогнозировать дальнейшее развитие писателя, предсказать обращение к тому сложному сплаву мифологии, современности и философской фантастики, который составил структуру романа «И дольше века длится день».

Исследование многонациональной литературы позволило В. Новикову создать очень широкую и впечатляющую картину разнообразия наших художественных достижений. Так, обратившись к способам обобщения действительности, В. Новиков, преж-

рактер поиска, все время находится в движении, ибо иначе не может решить свою главную задачу — «постижение духовного мира нового человека, всего его бытия, являющего собой прообраз будущего человечества». Рассматривая, как литература решает именно эту задачу, В. Новиков тем самым выдвигает критерий, который позволяет ему не впасть в грех «беспредельности», эстетическое вседозволенности. Примат содержания, признание мобилизующе-воспитательной функции литературы диктуют ему пути и выводы анализа. В. Новиков бескомпромиссен в оценке отдельных произведений, умеет прямо и убедительно раскрыть не только достоинства, но и недостатки...

Подводя итоги уже достигнутого советской литературой, В. Новиков вспоминает давнее изречение А. Н. Толстого, что искусство как бы берет жизнь на буксир. Эта метафора процитирована отнюдь не напрасно. Автору и впрямь удалось показать причастность советской литературы к формированию нового человека, причем этот вывод рождается на скрещении глубокого изложения принципов марксистско-ленинской методологии и очень широкого, поистине масштабного охвата конкретного материала советской литературы.

В результате и оказывается, что в монографии В. Новикова говорится не только о том, как движением истории было обусловлено движение литературы. Научность, доказательность, партийность книги убеждает и в активной роли литературы по отношению к историческому процессу, вооружают читателя пониманием обратной связи книги и жизни.

Монография В. Новикова заслуженно представлена на соискание Государственной премии СССР. И для нас, куйбышевцев, в этом есть особая радость: В. Новиков — выпускник литературного факультета Куйбышевского педагогического института.

Л. ФИНК.

Профессор, доктор филологических наук.

На соискание Государственной премии

ГЛУБИНА И МАСШТАБНОСТЬ

2207

кова есть любимая мысль, этой программой обусловленная и непосредственно продолжающая заветы М. Горького. «Действительность — монументальна, она давно уже достойна широких полотен, широких обобщений в образах», — это горьковское положение В. Новиков повторяет и комментирует: «Наша действительность грандиозна по своим гигантским изменениям. И она требует монументального реализма, реализма больших идей, крупных характеров, емких форм художественного обобщения». Верность Горькому и не удивительно — В. Новиков не устанет и плодотворно занимался горьковедением. Особенно хочется вспомнить его монографию «Творческая лаборатория М. Горького — драматурга». Теперь глава его книги называется: «М. Горький о новых формах художественного обобщения», и в ней содержится предпосылка для развертывания двух основных проблем — типизации характеров и создания новых форм художественного обобщения, адекватных самой обновляющейся жизни.

В. Новиков обстоятельно доказывает, что богатство советского искусства прежде

ны, если мир понимать как мрачный непознаваемый абсурд, а человека — как бесильное одинокое существо, живущее во власти низменных инстинктов. И, напротив, именно реализм, благодаря свойственной ему концепции человека, способен на постижение действительности во всей ее многокрасочности, сложности, противоречивости. В. Новиков пишет, что эстетическая позиция М. Горького выражалась прежде всего в «безграничной вере в силу реализма». Но этими же словами можно охарактеризовать и позицию самого исследователя, который очень широко и аргументированно раскрывает всеилые реализма как в анализе социальных отношений, так и в раскрытии глубин человеческого «я».

Характеризуя достижения реализма, В. Новиков серьезно обогащает нашу теорию типического. Он, кажется, первым заметил, что «типизация, по Ленину, как раз и есть особая форма познания характерного, присущая литературе и искусству». Следуя за мыслью Ленина, В. Новиков раскрывает соотношение социальных типов, сформированных самой жизнью, и типов художест-

характерной приметой нашего времени». И очень важно подчеркнуть, что все его выводы подтверждаются изучением многонациональной советской литературы. Он основательно рассматривает не только русскую прозу — К. Федина, К. Симонова, Ю. Бондарева, — но и романы В. Лама, И. Авижюса, О. Гончара, М. Стельмаха, А. Беляускаса, обращается к произведениям Р. Гамзатова, Я. Врыля, Н. Думбадзе, Ю. Шесталова, И. Друца, говорит о философской емкости позиции М. Карима, Д. Кугультинова, Ю. Марцинкявичюса, И. Драча. Наконец, необходимо отметить особые заслуги В. Новикова в изучении прозы Ч. Айтматова, которому посвящена заключительная глава монографии. Бесспорно, эта глава — одно из самых серьезных исследований творчества Айтматова. В. Новикову удалось охарактеризовать не только философскую проблематику повестей замечательного киргизского писателя, его оптимизм, вырастающий из острого восприятия конфликтности и драматизма жизни, его вдохновенную веру в величие человеческого духа, но и художественное богатство его стиля. Глубо-

де всего, констатирует слияние эпической масштабности и углубленного психологизма. Преодолена былая антиномия мира и человека, когда художники либо воссоздавали грандиозность события, либо под лупой рассматривали замкнутый мирок индивидуума. Советский роман в равной степени плодотворно выявляет и роль человека в истории, и отражение истории в мыслях, чувствах, переживаниях личности. В результате даже внутренний монолог, как первым сказал Г. Ломидзе, «становится действенным средством беспощадного социального анализа».

В книге В. Новикова постоянно дает себя знать то, что его предыдущая монография называлась «Художественная правда и диалектика творчества». Он убедительно доказывает, что новые формы обобщений возникают как единство противоположностей: трагическое становится формой развития героического, романтизм сочетается с аналитичностью, эпичность с исповедальностью, строгое следование достоверности с гиперболой и гипотезой. Поэтика социалистического реализма все время носит ха-